

**Валерий Зубов,
Владислав Иноземцев**

Сибирский ВЫЗОВ

Москва 2013

Авторы:

Доктор экономических наук,
профессор Высшей школы бизнеса МГУ,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации
В.М. Зубов

Доктор экономических наук, профессор,
Директор Центра исследования постиндустриального
общества, член Президиума Российского Совета
по международным делам
В.Л. Иноземцев

«СИБИРСКИЙ ВЫЗОВ»

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано в печать 23.01.2013. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л..
Тираж 1000 экз. Заказ 010.

ББК 65(2Рос)
3-91

В.М. Зубов, В.Л. Иноземцев
«Сибирский Вызов» The Siberian Challenge
— Москва: Издательство Перо, 2013. - 88 с.

ISBN 978-5-91940-529-0

В представляемой работе авторы – доктор экономических наук, депутат Гос-ударственной Думы ФС РФ Валерий Зубов и доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав Иноземцев – анализируют перспективы экономического и социального развития Сибири и Дальнего Востока. Констатируя, что в федеральных целевых программах и стратегиях развития Зауралья заметны несовпадения заявленных целей с располагаемыми ресурсами, авторы предлагают принципиальный новый механизм ускорения экономического развития восточных регионов России.

В основе их концепции – расширение прав региональной власти и местного самоуправления через развитие идеи федерализма; ориентация на инициативы частного бизнеса, а не «мощные» государственные проекты с неизвестным сроком окупаемости; стимулирование притока в регион иностранных инвестиций, в том числе и на финансирование инфраструктурных проектов; формирование «внешнего контура» партнеров из числа наиболее развитых в технологическом отношении стран Тихоокеанского региона.

Книга приурочена в X Красноярскому экономическому форуму и рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся современными социально-экономическими проблемами России.

ББК 81.2Рус-922
ISBN 978-5-91940-529-0

© В.М. Зубов, В.Л. Иноземцев, 2013
© Собченко А., 2013, перевод на англ. яз.
© Издательство Перо, 2013, оформление

В.М. Зубов

*Доктор экономических наук,
профессор Высшей
школы бизнеса МГУ,
депутат Государственной
Думы Федерального
Собрания
Российской Федерации*

В.Л. Иноземцев

*Доктор экономических наук,
профессор, Директор
Центра исследования
постиндустриального
общества, член Президиума
Российского Совета
по международным делам*

Сибирь¹ – гигантский край, занимающий почти четверть Евразии, самого большого по площади континента Земли. На протяжении более трехсот лет он находится в составе России, будучи включенным в нее в результате самого масштабного в истории человечества проекта по освоению новых земель (в период максимальной экспансии русские территории за Уралом, включая Аляску, несколько превышали по площади испанские колонии от мыса Горн до Калифорнии и Техаса и были в три раза больше британских владений в Азии). Сибирь – колоссальная кладовая ресурсов: здесь находятся крупней-

¹ Под Сибирью здесь и далее понимается вся территория России, расположившаяся между восточным склоном Уральских гор и Тихим океаном; для нужд сопоставления данных и статистических расчетов мы относим к ней Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, а также Тюменскую область (в т.ч. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа).

шие в мире запасы природного газа и третьи по размерам нефтеносные поля; одни из самых больших на планете лесов и богатейшие запасы пресной воды. При этом Сибирь мало населена (при площади в четверть Евразии на нее приходится менее одного процента жителей континента), слабо освоена и характеризуется порой крайне неблагоприятными климатическими условиями. И все чаще можно слышать мнения, что контроль над этой территорией скорее являет собой вызов, чем открывает новые возможности.

На наш взгляд, нет ничего более ошибочного, чем подобные представления. Сибирь – не уникальный регион; сложные для освоения пространства, богатые природными ресурсами и не слишком пригодные для повседневной жизни, присутствуют на всех континентах и входят в состав многих государств. В Соединенных Штатах, Канаде, Бразилии, Китае и Австралии мы видим провинции, штаты и территории, которые либо находятся в условиях крайнего севера, либо подвержены эффекту опустынивания, либо лежат в неблагоприятной для жизни тропической зоне. И всякий раз оказывается, что степень развитости страны отражается в том числе и тем, как ее правительство относит-

ся к этим территориям, какие условия для ее жителей создает и как обеспечивает экономический и технологический прогресс.

Вряд ли климатические условия Аляски предпочтительнее для проживания, чем территория Забайкальского края. И расходы на тепло в Забайкальском крае не выше. Но население Аляски стабильно, а Забайкалья стремительно падает – при том, что природными ресурсами край отнюдь не обделен. Новая Зеландия значительно удалена от основных промышленных центров мира при отсутствии заметных природных ресурсов. Но это не мешает ей быть конкурентоспособной как экономически, так и по условиям проживания. Расстояния, затраты на обогрев или охлаждение, наличие природных ресурсов – ни одна из этих предпосылок не является решающим фактором для прозябания или процветания. Решающий аргумент – система управления. Точнее, система организации жизни на территории.

Между тем сегодня отношение федеральных властей к Сибири не соответствует стандартам, по которым должно выстраиваться управление ресурсно богатыми малонаселенными территориями в развитых государствах. Мы считаем, что Сибирь – это своего

рода «лакмусовая бумажка», показывающая степень современности российской системы управления. Однако исповедуемые и предлагаемые для исполнения «государственные» подходы в условиях перехода к рынку и глобализации сегодня не срабатывают. Кризис 2007–2010 гг. еще острее высветил «сибирскую проблему». Россия должна пройти «испытание Сибирью», чтобы «сдать экзамен» на право называться нормальной страной XXI века. Положение дел подталкивает к более глубоким решениям, чем предлагаются официально. Именно к этому мы призываем федеральные власти, именно этого намерены требовать от них, предлагая новую стратегию развития зауральских территорий.

Ровно 130 лет назад в Петербурге вышел в свет блестящий труд Николая Ядринцева «Сибирь, как колония в географическом, этнологическом и историческом отношениях». Эта книга безусловно достойна переиздания, а ее идеи – глубокого и серьезного осмысления. Выводы, сделанные этим русским ученым, в XXI столетии актуальны не менее, чем в XIX-м. Сегодня мы четко видим, что проблемы, которые испытывает Сибирь, порождены не столько ее природными условиями, сколько стратегией ее развития, вы-

бранной в Москве несколько веков назад. Не пытаясь обвинять имперские, советские или российские власти, следует констатировать, что отношение к Сибири всегда оставалось квазиколониальным. В той же степени, в какой британцы использовали природные богатства Индии и Родезии, испанцы – Латинской Америки, французы – Западной Африки и Индокитая, русские колонисты в Сибири ориентировались на эксплуатацию ее данных Богом ресурсов. Истребление ценного зверя в XVI–XIX веках, добыча золота и металлов в XIX–XX столетиях, нефти и газа – в последние 50 лет весьма сходны по своей логике. Они объединены тем, что отвлекали внимание от развития Сибири в интересах населения региона, подчиняя его задачам успеха страны как единого целого.

Однако сегодня этот вариант развития выглядит исчерпанным – причем по объективным причинам. В большинстве государств, где четко прослеживаются границы между «центром» и периферией, в центральных районах страны создается львиная доля национального богатства. Какой бы богатой ни была Аляска, ее экономический потенциал несравним с Калифорнией или Восточным побережьем США; Северные территории Ка-

нады – ничто в экономическом отношении перед Квебеком и Онтарио. В России ситуация выглядит совершенно иначе. После двух десятилетий постсоветской истории страна является сугубо ресурсной экономикой, практически неконкурентоспособной в базовых отраслях промышленности и обладающей крайне ограниченным технологическим потенциалом – а львиная доля экспорта России – сибирский экспорт. В таких условиях к Сибири более нельзя относиться как к колонии или зависимой территории. Только в искаженном представлении федеральных чиновников, узнающих о мире из официальной статистики, валовой региональный продукт Москвы и области может на 8% превышать валовый продукт всех зауральских краев; только москвичи могут верить в то, что Сибирь обеспечивает менее 10% российского экспорта, как это утверждает Росстат.

Колония не может вносить большой вклад в национальное благосостояние, чем главная часть страны и выступать источником большей части экспортных поставок. Сохранение колониального подхода в отношении Сибири – верный путь к углублению противоречий между частями Российской Федерации и дезинтеграции государства. Задача со-

стоит не только в необходимости обеспечить Сибири и ее жителям приемлемые условия развития, но и в переосмыслении основы взаимодействия регионов и федерального центра. Сейчас, и это хорошо известно, хозяйственные связи между многими территориями на востоке страны и ее центральными районами слабы; бизнес на Дальнем Востоке ориентируется на азиатских соседей, а не на главные для России европейские рынки; поездки в Москву или Петербург становятся роскошью; транспортное сообщение между центрами зауральской территории зачастую практически отсутствует. Поэтому одним из основных вызовов для России и для российской власти остается преодоление колониального мышления в отношении Сибири. Речь должна идти не о выделении того или иного количества миллиардов долларов региону, где генерируется основная часть отечественных экспортных доходов, а о радикально обновленном распределении полномочий и о новой экономической стратегии.

В первом случае речь могла бы идти как минимум о двух новациях. Прежде всего, разумеется, следует расширить возможности местного самоуправления – и, выступая с таких позиций, сибиряки безусловно будут

поддержаны большинством российских регионов. Возрождение самоуправления должно основываться на новой системе учета вклада региона в общероссийское богатство, в общий создаваемый в стране хозяйственный результат. Что не менее важно, рост уровня регионального и местного самоуправления – естественная предпосылка более рачительного хозяйственного отношения к ресурсам территории. Мы не говорим ни о специальных федеральных фондах или госкорпорациях (это путь к консервации неэффективного использования природных и всех других ресурсов), ни об избирательном снижении налогов. Но мы настаиваем на пересмотре той системы учета, которая сегодня делает богатейшие регионы дотационными и которая основана на той же системе «вертикально интегрированных» компаний, которые по своему экономическому подходу повторяют логику «вертикали власти». Кроме этого, следовало бы задуматься о принципе «двух ключей» в принятии важнейших инвестиционных решений. Стратегические цели развития страны должны формулироваться федеральным центром – но методы и «субъекты» их достижения могут определяться и на местах. Если в Москве решают освоить то или иное

месторождение, регион не должен оспаривать это – но центру следовало бы оставить за местными властями выбор компаний, которые получают широкие возможности определять условия реализации проекта, и проведение соответствующих процедур. Пример инвестиционной гибкости нам подает сегодня даже Монголия, суверенное государство, сравнимое по численности населения и природным ресурсам с отдельными регионами Сибири. Реалистический учет вклада региона и система сдержек и противовесов в отношении крупных монополий – вот главные экономические слагаемые возрождения российского федерализма. А без него будущее не только Сибири, но и всей страны остается весьма туманным.

Во втором случае выбор не менее драматичен. На протяжении последних ста и даже более лет в стратегии развития Сибири доминировали крупные государственные проекты. Начиная с прокладки Транссибирской магистрали, через освоение силами подневольных тружеников золотых и угольных месторождений Восточной Сибири и гигантскую переброску на Восток промышленного потенциала страны в годы Великой Отечественной войны до масштабной разведки нефти и

газа, постройки огромных сибирских ГЭС, металлургических заводов и БАМа, цели развития задавались из центра, а средств практически не считали. Сегодня во всем мире в экономике настала пора, когда на первый план выходят не столько масштабные, сколько эффективные решения. В этих условиях при дальнейшем развитии (мы специально избегаем слова «освоении») Сибири приоритет должен отдаваться не «государственным предпринимателям», а частному бизнесу; не гигантским, а пусть и небольшим, но более эффективным, проектам. Именно в этом мы видим основной источник экономии и рационального использования тех инвестиционных ресурсов, которых сейчас так не хватает региону – и, тем самым, обеспечения новых возможностей для расширения капиталовложений в эту часть страны. Отправная точка в реализации принципиально нового подхода к повышению роста эффективности привлекаемых инвестиций – экономические цели должен формулировать бизнес, а за государством должно остаться установление современных правил хозяйственной деятельности.

Федерализм, возрождения которого ждет сегодня не только Сибирь, но и вся Россия, с одной стороны, и максимальное использова-

ние потенциала частного предпринимательства, с другой стороны – вот, на наш взгляд, главные инструменты развития Сибири в наступившем столетии.

Собственно, и первое, и второе соответствует другой важнейшей составляющей сибирской истории – первопроходчеству сибиряков, их инициативности, их относительной автономии от Москвы, прослеживавшейся на протяжении нескольких веков. Предпринимательский характер, всегда свойственный жителям этого края, соединенный с ощущением внутренней свободы и неистребимой российской идентичностью, укреплявшейся в противопоставлении себя азиатским народам и традициям – все эти факторы должны стать основой для процветания этой большей части России.

С позиций нынешнего дня, наблюдая дирижистскую отечественную экономику и политику, жестко определяемую из центра, сложно сказать, что именно – федерализм или возрождение частной инициативы – способно в будущем стать главным драйвером сибирского возрождения. Начнем с экономики.

Экономическая программа для Сибири может быть обобщена в лозунге «возвраще-

ние к нормальности». В рамках этого подхода мы выделили бы три важнейших момента.

Во-первых, не следует ставить недостижимых задач, пытаясь создать в Сибири центр инновационной экономики или сделать из региона реального конкурента азиатских «тигров». За последние полвека экономика Сибири развивалась по сырьевому «треку», и этот вектор не переломить ни сейчас, ни в будущем – тем более что мировой опыт свидетельствует о том, что малонаселенные территории наиболее эффективно использовать именно в таком аспекте. Поэтому важнейшей задачей мы видим повышение эффективности сибирской «сырьевой» экономики. Важность этой задачи определена двумя обстоятельствами: с одной стороны, ее решение может снизить потребность в рабочей силе и тем самым снять остроту демографической проблемы; с другой стороны, только таким образом Россия сможет найти свои рынки в Азии. В отличие от Европы, куда сейчас мы поставляем четыре пятых всей сырьевой продукции, и где ощущается огромный дефицит природных ресурсов, Азия – континент в этом отношении довольно благополучный. Китай, Австралия и Индонезия в совокупности добывают в 13 раз больше угля, чем Россия;

омываемые Тихим океаном страны Азии и Латинской Америки выступают крупнейшими в мире производителями цветных металлов, а нефти в ЮВА добывают всего на 20% меньше, чем в России. Поэтому мы не можем надеяться на то, что в этом регионе наши ресурсы будут покупать по европейским ценам. Это делает технологизацию главной задачей дня. Сегодня в России на одного нефтяника приходится в 3,6 раза меньше добытой нефти, чем в США; на одного шахтера – в 6,4 раза меньше угля, чем в Австралии. Сибирь, чтобы стать критически важным для мира ресурсным регионом, должна радикально перестроить свою промышленность, резко повысить производительность труда. Именно это, а не создание «технологических кластеров», следует сделать центральным пунктом повестки дня.

Во-вторых, необходима не только технологизация, но и оптимизация сибирской экономики. Здесь тоже нужно сделать несколько пояснений. Сегодня и хозяйственная логика региона, и задаваемая из центра стратегия поощряют огромную напрасную трату и материальных, и трудовых ресурсов.

Возьмем, например, железнодорожный транспорт. Не странно ли, что в условиях раз-

говоров о модернизации самый низкий железнодорожный тариф установлен на уголь и железную руду, что стимулирует экспорт необработанного сырья вместо его первичной переработки в самой Сибири. Сколько еще мы будем мириться с ситуацией, когда за рубеж в массовом масштабе идет «кругляк» и государстве решается сломать эту ситуацию с помощью тарифа? Не вызывает ли удивления тот факт, что мы по-прежнему вынуждены держаться за созданные еще в советское время в совершенно непригодных для жизни точках города – Норильск, Верхоянск, некоторые другие? В 2011 г. удельный расход топлива на одного жителя Норильска превышал аналогичный показатель для Петербурга в 6 раз; город за год выбрасывает больше диоксида серы, чем вся экономика Германии на 20 лет – и в этом аду живут 230 тыс. человек. В той же Канаде и на Аляске большая часть полезных ископаемых разрабатывается вахтовым методом, а население сконцентрировано в относительно приспособленных для жизни районах. Следует усилить участие государства в отселении людей с территорий Крайнего Севера. Подобная оптимизация высвободит многие миллиарды долларов инвестиционных ресурсов и

сделает экономику региона намного более гармоничной.

В-третьих, не стоит недооценивать выгод отказов от гигантских проектов, активно обсуждаемых в последние годы. К сожалению, мечты о «вставании России с колен», вынашиваемые политической элитой, оказываются связаны в том числе с возрождением советской гигантомании. Мы уже видели это на примере строительства за 32 млрд руб. моста на о. Русский, которым практически никто не пользуется. Но сегодня всерьез обсуждается модернизация Транссиба и БАМа за 1,08 трлн руб., возведение моста на Сахалин через Татарский пролив, прокладка железной дороги на Чукотку за 1,4 трлн руб. и даже сооружение за 2 трлн руб. тоннеля под Беринговым проливом для «соединения» транспортных путей Евразии и Америки (хотя с американской стороны железная дорога обрывается за 800 км до побережья). Осуществления этих планов, на наш взгляд, нельзя допустить – причем не столько потому, что они воплотятся в огромный по масштабу «распил», сколько потому, что предлагаемые проекты никогда не окажутся эффективными. Автомобильный мост с французского атлантического побережья на туристический остров Иль-де-Ре был

сооружен в 1988 г. после того, как паромная переправа стала обслуживать более 3 млн. человек в год. У нас же передвижения между Сахалином и материком не превышают 160 тыс. человек в год, и к тому же побережье Татарского пролива отделяет до ближайшего крупного населенного пункта более 500 км – о какой выгоды данного фантомного проекта можно вести речь? Необходимо критически оценить экономическую целесообразность продолжения строительства экспортных нефте- и газопроводов. На наш взгляд, инвестиционные и кредитные риски должны быть в максимальной степени переложены на потребителя. Самовывоз ресурсов – экономически более приемлемая стратегия, резко снижающая к тому же издержки отечественных сырьевых компаний. Мы категорически настаиваем: от всех такого рода фантазий необходимо отказаться, а средства, предусмотренные на их осуществление, использовать на дополнительное финансирование переселения жителей из северных регионов в более благоприятные для жительства места в рамках сибирского региона.

Экономика Сибири должна быть не только экономной – она должна быть естественной. Мы не сможем обеспечить прогресс

региона, если постоянно будем ставить недостижимые цели или устанавливать ориентиры, понятные только чиновникам. Проектное мышление – враг подлинного развития, потому что риск ошибки крайне велик, а затраты на реализацию проектов непредсказуемы. Не нужно рисовать, например, перспективы превращения Сибири, на которую сегодня приходится менее 1% грузоперевозок между Европой и Юго-Восточной Азией, в глобальный транзитный коридор, конкурирующий с основными морскими путями – гораздо эффективнее направить те средства, которые могли бы для этого потребоваться, на улучшение условий жизни сибиряков. Создавая планы развития Сибири, стоит ориентироваться на высокотехнологичную добычу природных ресурсов; их углубленную переработку; на повышение эффективности использования трудовых ресурсов; развитие вахтового метода и концентрацию населения вдоль южных рубежей страны; стимулирование экологического сельского хозяйства и всемерное поощрение частной инициативы. Успех на этом направлении потянет за собой через смежные производства высокие технологии в переработку. Государство должно держать в голове и реализовывать на прак-

тике только один ориентир – делать регион привлекательным для жизни. Сибирь должна начать развиваться как регион, обладающий всеми необходимыми для экономического и социального прогресса ресурсами и возможностями, отталкиваясь от накопленного багажа в сырьевом секторе.

Основным драйвером такого типа экономического развития, подчеркнем еще раз, является раскрепощение частной инициативы – не принципиально, отечественных или зарубежных предпринимателей. Восток России, на наш взгляд, должен стать первым регионом нашей страны, в котором следует принципиально отказаться от деления инвестиций на российские и иностранные. Предприятия, создающие на его территории рабочие места, бизнесы, приносящие доходы в федеральный и местный бюджеты, не имеют и не могут иметь никакой иной национальности, кроме сибирской. Именно тут необходимо опробовать самые передовые технологии привлечения капиталов – внедрить систему концессий, разрешить иностранным собственникам владеть любыми инфраструктурными объектами, позволить предпринимателям получать в долгосрочную аренду леса и сельскохозяйственные угодья, отказаться от

принципа деления земель на категории. Здесь должны быть открыты все возможности по самым смелым экспериментам в области деbüroкратизации экономики. Только развитие частного предпринимательства и формирование благоприятного инвестиционного климата способно создать условия для привлечения в регион капиталовложений такого масштаба, которые были бы адекватны для решения его застарелых проблем. В XXI столетии Сибири не нужно никого «догонять и перегонять»; ей нужно просто нормально и уверенно развиваться. Сибири не нужно никому ничего доказывать; ей нужно лишь убедить ее собственных жителей в том, что жить в этом великом крае можно и должно – что жизнь здесь может быть уютной и гармоничной.

Звучащие время от времени призывы задуматься о большей самостоятельности для Сибири часто рассматриваются как призывы к сепаратизму. В дискуссиях со сторонниками усиления федерализма российские державники прибегают к излюбленному тезису о том, что освоение и развитие Сибири на протяжении столетий велось силами всей страны и что зауральские территории России находятся у государства чуть ли в неоплат-

ном долгу. На наш взгляд, это порочное утверждение, прямо провоцирующее конфликт между различными субъектами и территориями Российской Федерации. Мы предлагаем последовательно исходить из того, что никакой «дани», которую Сибирь должна-де вернуть России, не существует. Богатства этого региона разрабатывались теми, кто родился и живет в этом крае, как и теми, кто приехал сюда и остался на всю жизнь. Скважины и шахты сторицей окупили все затраты, связанные с их сооружением. Тут нет предмета ни для споров, ни для торга. Именно такое положение вещей открывает простор для развития подлинно федеративных отношений.

В подобных условиях Сибирь может – и должна – стать полигоном для реформирования всей системы управления Россией. Сложившаяся в первые годы XXI века «вертикаль власти» становится все менее эффективной, не защищает бизнес и население от произвола и коррупции, и все больше противоречит тому положению Конституции России, согласно которому власть в стране принадлежит «многонациональному народу Российской Федерации». В ближайшие десятилетия Сибирь могла бы стать территорией формирования современного местного само-

управления. Возможно, для нашей страны не подходят в полной мере западные традиции либеральной демократии, или нам нужно некоторое время для их освоения, но земство и областничество – явления сугубо российские и они заслуживают внимания. Власть в Российской Федерации должна – как и в любом современном государстве – строиться снизу вверх, а не сверху вниз, отвечая потребностям людей, а не бюрократии. История Сибири, на наш взгляд, говорит в пользу того, что подобные реформы могли бы начаться именно здесь. Относительно небольшие размеры местных сообществ упрощают задачу установления более эффективного контроля над властью и создания более прозрачных схем финансирования и управления. Многонациональный состав населения требует более сложных систем представительства и учета особенностей быта и культуры исконно живших на этих землях народов. Масштаб природных богатств позволяет надеяться, что справедливое распределение получаемых от их эксплуатации доходов станет для граждан достойным поводом задуматься о своей роли в управлении регионом и государством.

Сибирь может и должна стать главным бенефициаром утверждения в России как

подлинного федерализма, так и новейших методов управления. С одной стороны, мы призываем начать широкую общенациональную дискуссию по вопросам о модернизации налоговой системы России. Сегодня два основных источника поступлений в бюджет – налог на добычу полезных ископаемых и экспортные пошлины на нефть и газ – напрямую пополняют федеральный бюджет, и только некоторая их часть возвращается в регионы добычи в виде «милости» центра. Мы настаиваем на обсуждении экономической эффективности пропорции разделения налогов. Последнее стало бы стимулом для местного бизнеса активнее разрабатывать новые запасы сырья, раздвигая горизонты сибирской экономики. Мы считаем первоочередным и принципиальным решение двух задач. Во-первых, нужно сделать бюджеты самодостаточных территорий (то есть тех, где налогов в сумме собирается больше, чем расходуется) профицитными. Не странно ли, что федеральный бюджет кредитует зарубежные правительства за счет налогов, формируемых в регионах, а региональные бюджеты балансируются за счет банковских кредитов? Во-вторых, следует привязать налоги к месту производства. Нормальна ли ситуация, когда

газ добывают в Сибири, а во второй российской столице идет эстетический спор о том, как на заработанные на нем деньги строить газпромовскую «кукурузу»?

Стоит отметить, что такая реформа придала бы мощный стимул той модернизации российской экономики, стремление которой провозгласил с трибуны V Красноярского экономического форума Дм.Медведев. Сегодня только существенное сокращение количества «дармовых» денег, поступающих в федеральный бюджет, способно заставить центральные власти проводить политику, более ориентированную на повышение уровня жизни в регионах и развитие частного бизнеса. Таким образом, перераспределение налогов и сборов в пользу Сибири дважды способствует модернизации отечественной экономики: с одной стороны, увеличив приток инвестиций в ее восточные регионы, и, с другой стороны, вынудив центральное правительство сместить акценты от распределения бюджетных денег к их зарабатыванию. Мы убеждены, что в результате такой реформы вся Россия получит серьезный толчок к активному и естественному экономическому развитию, станет более современной страной.

Если продолжать эту линию, можно предложить рассмотреть также вопрос об увязке в той или иной форме политических полномочий региональных властей с экономической состоятельностью региона. К сожалению, за последние десять лет разрыв в хозяйственном потенциале отдельных частей России не сократился, а вырос – по итогам 2011 г., разброс между уровнями валового регионального продукта на душу населения между Сахалином и Ингушетией достиг 26 раз (а если считать отдельным субъектом Ненецкий АО, то 90 раз). К сожалению, эта проблема не может быть решена увеличением дотаций и трансфертов; напротив, такая политика в конечном счете дестимулирует развитие отстающих территорий. Сегодня необходимо задуматься о выработке более активной системы межбюджетных отношений, которые предполагали бы постепенный отказ от трансфертов и дотаций в их нынешнем виде и устанавливали бы своего рода режим внешнего управления для территорий, которые не могут добиться изменений к лучшему в своих экономических показателях. Мы не говорим, что кого-то надо «перестать кормить» – но уверены, что система стимулов к развитию в современных условиях должна быть модер-

низирована. И мы убеждены, что сибирские регионы могут и должны стать инициаторами – и бенефициарами – широкого процесса реформирования российского федерализма.

Потребность в определенной степени влияния Сибири на федеральный центр обусловлена также и тем, что зауральская часть страны в значительно большей мере связана с процессами, происходящими в азиатском регионе, и в связи с этим ее развитие может иногда требовать решений и подходов, не совпадающих с «московским» пониманием геополитических интересов России. Мы не призываем к выработке самостоятельной доктрины внешней политики от лица части страны – ее формирование является прерогативой центральных властей – но настаиваем на том, что многие глобальные и региональные тренды выглядят по-разному из Москвы и Красноярска.

Для того, чтобы звучащие в последние годы речи о «переориентации» России на быстрорастущие азиатские экономики трансформировались в дела, Россия должна быть представлена в Азии как мощная хозяйственная сила. Сегодня размер Сибири как «отдельной» экономики, выраженный в ее региональном продукте, ставит ее на 11-е место

среди 16 экономик АТР – от нее отстают лишь Новая Гвинея, Северная Корея, Бруней, Камбоджа и Лаос. Валовой продукт российских зауральских территорий в 34 раза меньше китайского, в 14,5 раза – японского, в 5 раз – корейского, в 6,5 раза меньше регионального продукта Калифорнии. Это значит, что важнейшим, и даже исключительным, приоритетом российских властей должен стать экономический рост в этой части страны. Задача обеспечения экономического роста и развития Сибири, на наш взгляд, должна поэтому восприниматься как обладающая приоритетом перед политическими соображениями и определять выработку такого курса в отношении наших восточных соседей, который наилучшим образом способствует развитию этой части России.

В таком контексте мы хотим привлечь внимание политиков и экспертов к трем обстоятельствам.

Во-первых, состояние сибирской экономики требует огромных инвестиций в инфраструктуру и производственные мощности. Инвестиций, которые не в состоянии в ближайшие годы обеспечить ни федеральный бюджет, ни даже перераспределение средств между центром и регионом. Увы, но имен-

но на такой нереалистичной предпосылке базируются «стратегии развития Сибири и Дальнего Востока». Поэтому, на наш взгляд, отношение к иностранным инвестициям в Сибири должно существенно отличаться от существующего сегодня в стране в целом. Следовало бы отказаться от закрытия «стратегических» отраслей и исповедовать общий принцип: мы не собираемся ничего продавать иностранцам по дешевке, но и не намерены препятствовать им в создании любых новых предприятий и объектов инфраструктуры. Идеальный образец того, как это может «работать», предоставляет Монголия: всего за десять последних лет объем иностранных инвестиций в этой стране вырос в 26 раз, а отношение валовых инвестиций к ВВП достигло фантастических 39,6% (в России – менее 20%). Китай может выступать примером того, как действуют иностранные концессии в энергетическом секторе, дорожном и инфраструктурном строительстве. Даже в США давно и успешно работают региональные транспортные компании, созданные европейскими инвесторами. Другие страны региона также имеют уникальный опыт модернизации тех или иных сегментов экономики, который мог бы быть использован в Сибири.

Упрощенный доступ иностранных компаний на сибирский инвестиционный рынок послужит еще одной важной задаче: отраслевое распределение капиталовложений укажет на наиболее выгодные для приложения средств направления, выявит все существующие ценовые перекосы. Нетерпима ситуация, когда – как, например, на Камчатке – электроэнергия поставляется потребителям по таким тарифам, которые позволяют окупить современные электростанции за 4–6 лет, но на рынке отсутствует реальная конкуренция. Таким образом, мы предлагаем сделать Сибирь подлинно открытой для иностранных инвестиций экономической зоной – и федеральному правительству не надо этого бояться, так как именно такой подход может придать развитию региона серьезный толчок, необходимый для того, чтобы он мог на равных интегрироваться в экономику Тихоокеанского региона. Сегодня в этой части России нет более важных задач, чем задача обеспечения экономического роста – потому что именно он способен обеспечить уверенное будущее для Сибири.

Во-вторых, открытость инвестиционная не должна превращаться в открытость миграционную. В начале XXI века соседние стра-

ны превосходят российский Восток не только экономически, но в еще большей степени демографически. Население Синьцзяня превышает 23 млн. человек, Северо-Восточного Китая – 135 млн. человек. Это численное превосходство особенно опасно в условиях военного доминирования Китая в регионе (по обычным вооружениям силы, размещенные на его северных границах, превосходят оборонные возможности России в 5–12 раз). В такой ситуации нужно одновременно решить две сложных задачи: с одной стороны, обеспечить необходимое для ускоренного развития количество рабочих рук; с другой – не допустить неконтролируемой внешней иммиграции. Пока эти задачи не решаются; миграционные процессы протекают преимущественно стихийно. Следует иметь в виду, что наметившееся снижение прироста ВВП Китая, а также земельная реформа 2010 г., создают стимулы для дополнительной миграции рабочей силы этой страны в другие регионы. Мы считаем необходимым сформулировать и применить иную стратегию – стратегию организованного привлечения иностранных граждан на временные работы по образцу стран Персидского Залива. Идеальным было бы приглашение таких работников из госу-

дарств, не связанных с Китаем долгими отношениями добрососедства – среди них мы бы назвали прежде всего крупнейшие трудоизбыточные страны Юго-Восточной Азии – Вьетнам (с населением 88 млн. человек) и Филиппины (93 млн. человек). В каждом из этих государств около 10–15% населения живут за рубежом, находя себе применение на сезонных работах – а опыт ОАЭ, Катара и Саудовской Аравии подтверждает возможность привлечения в страну рабочей силы и ее последующего контролируемого возвращения на родину. При этом очевидно, что желание остаться в России у граждан этих стран будет куда меньшим, чем у выходцев из КНР. Мы считаем, что рассуждения о «невозможности» остановить китайскую миграцию – не более чем ширма для «теоретического обоснования» подготовки к сдаче восточных территорий и расчленению России. Мы не приемлем такой «колонизации» и полагаем крайне важной выработку альтернативной модели. Наша невнятная миграционная стратегия позволила сформироваться странной ситуации: китайское население идет в Сибирь, а российский бизнес мигрирует в Китай из-за более привлекательного инвестиционного климата.

В-третьих, мы считаем, что Сибири в ближайшие десятилетия предстоит, развив и модернизировав свой сырьевой потенциал, начать движение к современной индустриальной экономике. Мы видим перспективы Сибири в превращении ее в самодостаточный промышленно развитый регион; по сути, он должен осуществить скачок из Калифорнии времен «золотой лихорадки» к современному Западному побережью США, которое является самостоятельным экономическим центром на Тихом океане. Такая стратегия подразумевает два обстоятельства. С одной стороны, для ее реализации необходимы тесные политические связи России с большинством государств АТР; с другой стороны, нужна стратегия импорта в регион индустриальных производств из соседних стран. Оба обстоятельства означают: Китай не может быть стратегическим союзником Сибири в деле экономического развития – несмотря на то, что считается сегодня стратегическим союзником России в противостоянии американскому «однополярному миру». Китай – это скорее конкурент России на рынке промышленных товаров и далеко не идеальный партнер в сфере развития высоких технологий. Соответственно, оптимальная стратегия по-

зиционирования Сибири на международной арене могла бы предполагать опору на страны, которые вышли на высокие уровни индустриального развития – Японию, Южную Корею, Соединенные Штаты, отчасти Канаду и Австралию. Последние страны могут стать партнерами в развитии добывающих отраслей; Япония – основным финансовым инвестором; США – поставщиком новых технологий; Южная Корея и Тайвань – экспортером промышленных мощностей. В итоге на Тихом океане мог бы создаться перспективный «Северный пояс» из России, Японии, Южной Кореи, Канады и США, который играл бы в этом регионе мира роль военно-политической и экономической доминанты. Общие экономические цели поспособствовали бы скорейшему нахождению взаимоприемлемых решений застарелых политических проблем: заключению мирного договора с Японией (не странно ли, что мы сумели договориться по спорным территориальным вопросам с Китаем, Норвегией и США, а с Японией не можем?), решению корейской проблемы, снижению общей напряженности в регионе. В российской тихоокеанской политике следует использовать все возможности обмена политических уступок и влияния на

укрепление экономического взаимодействия и создания регионального «партнерства ради модернизации». Стратегия тотальной ориентации на КНР, исповедуемая в Москве, нуждается в коррекции.

Иначе говоря, мы считаем, что задачи модернизации и развития Сибири столь масштабны и столь значимы для судеб всей России, что внешняя политика российского государства не может формулироваться без учета интересов восточных регионов страны. Мы уверены, что предпринятое нами обсуждение проблем Сибири, требует всеобъемлющей и открытой общероссийской дискуссии по внешнеполитическим проблемам.

Подводя промежуточный итог, повторим еще раз: для рывка Сибири из ее нынешнего состояния к современному индустриальному обществу необходимо подчинить этой цели все три важнейших инструмента, которые имеются сегодня в нашем распоряжении. Прежде всего, это предпринимательская инициатива частного бизнеса и иностранных инвесторов, которые в ближайшие годы должны заменить государство и государственные корпорации в качестве основного инвестора в этой части России. Параллельно необходимо придать сибирской экономике большую

эффективность, отказавшись от гигантских проектов и сосредоточив основные инвестиционные усилия в относительно освоенной южной зоне, а также максимально широко применять вахтовый метод при освоении природных богатств региона. Не менее мощный толчок может быть обеспечен развитием местного и регионального самоуправления, которое позволит мобилизовать граждан на более последовательное соблюдение бюджетной дисциплины и четкое определение приоритетов в инвестиционной активности местных властей, а региональные элиты – на здоровую конкуренцию с федеральной за права распоряжения местными ресурсами и средствами создаваемых региональных фондов развития. Наконец, задачам ускоренного хозяйственного развития Сибири должна послужить и внешняя политика России в АТР: здесь главной целью следует считать максимальное инвестиционное и индустриальное сотрудничество с сопредельными странами, которое может принести в регион новые технологии и новые производства. Мы считаем ошибкой подчинение нужд региона абстрактным геополитическим задачам создания «многополярного мира», которые сегодня доминируют в российской внешнеполити-

ческой повестке дня. Интеграция в тихоокеанскую экономику для Сибири неизмеримо важнее возрождения экономики постсоветской, на что сегодня нацелены в Москве.

Сибирь сегодня – без преувеличения важнейшая часть России. В свое время Михаил Ломоносов говорил о том, что «богатство России Севером и Сибирью прирастать будет». Сейчас речь идет уже не только о богатстве – речь идет о ресурсах, без которых Россия не сможет модернизироваться. О выходе к Тихому океану, который в сегодняшнюю глобальную эру не менее важен для страны, чем выход к Балтике во времена Петра I. О новых хозяйственных и социальных технологиях, которые должны быть применены здесь, чтобы в последствии распространиться на всю страну. Наконец, о людях, которые, живя в этом великом и суровом краю, заслужили совершенно особое к себе отношение. Однако пока приходится признать, что многое из сказанного остается мечтой – а ситуация последних лет дает не так уж и много оснований для оптимизма.

Пережив определенный экономический, социальный и интеллектуальный ренессанс в 1960–1970-х годах, Сибирь так и не стала самодостаточным регионом, не обрела соб-

ственную идентичность. Ее промышленность была либо до такой степени интегрирована в экономику всей России, что не выпускала конечного продукта, с которым регион мог бы выйти на рынок, либо ориентировалась на производство и первичную переработку сырья. Судьба советской Сибири в еще большей мере зависела от планового хозяйства, чем судьба остальной страны. Именно поэтому крах советской экономики стал жесточайшим испытанием для региона. В 1990-е годы сохранились и остались прибыльными практически одни только сырьевые и энергетические производства; именно в них направлялись и основные (хотя и в этом случае недостаточные) инвестиции. И даже некоторый экономический ренессанс 2000-х не слишком изменил ситуацию: если в середине 1990-х доля бюджетов сибирских регионов в общей бюджетной системе России составляла около 35,1%, то к 2010 г. она сократилась до 30,9%; если доходы бюджета города Москвы с 1999 по 2010 г. выросли в 16,5 раз в долларовом выражении, но в Новосибирской области за тот же период рост составил всего 9 раз, а в Омской – 6,5. Также упала и доля строящегося в Сибири жилья в отношении к общероссийским показателям – отчасти по-

этому люди продолжают уезжать из Сибири: с 1989 по 2010 г. нетто-отток населения из зауральской части России в европейскую составил 2,2 млн. человек, а общее ее население сократилось на 3,57 млн. человек.

Сибиряки не жалуются на свою судьбу. Они не стоят с протянутой рукой, выпрашивая денег у центра. Мы лишь стремимся показать, что положение, при котором голос гигантского края очень слабо слышим в Москве, не служит процветанию России. Чем дольше оно будет сохраняться, тем сильнее станет социальная напряженность, тем меньше будет использовано шансов по налаживанию взаимодействий с соседями, тем скромнее окажутся успехи в экономическом развитии края. И тем меньше возможностей откроется в наступившем столетии перед всеми россиянами.

Россия – величайшая по территории страна мира. Если Москва хочет чувствовать себя империей – к чему, судя по всему, всегда тяготело сознание ее политической элиты – у нее нет необходимости выстраивать квази-советские интеграционные объединения, представляя дело так, будто «неизмеримые человеческие и производственные ресурсы Центральной Азии» дадут толчок нашему

развитию. Если Москва хочет ощущать себя мировой столицей, нет нужды в упражнениях в антиамериканизме и антизападничестве. России достаточно самой себя, чтобы быть великой. Ее величие может и должно проявиться в том, что Россия перестанет быть Московской, что она поймет масштаб возможностей, открываемых гармоничным и эффективным развитием ее восточных территорий. Сибиряки имеют право воспользоваться открывающимся в наши дни шансом вернуть России ее величие и ее амбиции. Мы уверены, что это можно сделать. И надеемся, что на этом пути не будет создаваться искусственных препятствий.

Для заметок
